

Гуань Сяохуа посмотрела на него снизу вверх.

— Учитель, что с вами? — удивленно спросила она.

Янь Фуи с трудом отвел застывший взгляд и повел их вглубь долины.

— Ничего, — тихо отозвался он. — Просто вспомнилось былое.

После «того самого дня» он ни разу не возвращался на Утёс Очищения Одежд.

Кругом по-прежнему царило запустение — немые следы великого побоища. Некогда яркие цветы теперь валялись под ногами уродливым крошечком; часть лепестков унес ветер, остальные давно сгнили, смешавшись с грязью. Исчез и ручей, прежде обвивавший долину серебряной цепочкой: чудовищная сила выжгла воду до капли, оставив лишь потрескавшееся, обугленное русло. Даже деревья, когда-то выстроившиеся живой ширмой, сгнули без следа — на их месте сиротливо торчали расщепленные, почерневшие пни.

Как же можно было... сотворить такое?

Янь Фуи вновь остро ощутил всю бездну ненависти Ли Цинхэ. Тот уничтожил его обитель не мимоходом, не в пылу сражения. Всё было спланировано до мелочей, исполнено с безжалостной точностью. Цинхэ сознательно выжигал каждый вершок земли, стремясь превратить некогда цветущий край в пепелище, на котором уже никогда ничего не вырастет.

Ноги словно налились свинцом, и Янь Фуи замер. Идти дальше он не мог.

— Сяохуа... — Он едва расслышал собственный голос.

Душевная боль хлынула по венам ядовитым огнем. Она выжигала суставы, подтачивала силы, лишая колени опоры. Чтобы просто стоять и не падать, требовалось нечеловеческое усердие.

— Сяохуа, — собрав остатки воли, Янь Фуи прикусил палец и, проигнорировав испуганный вскрик девочки, прижал окровавленную подушечку к ее межбровью. — Сделай всё так, как я учил тебя в дороге. Веди Апо внутрь.

— Но... — попыталась возразить малышка, однако бабушка мягко положила руку ей на плечо и покачала головой.

Больше они не препирались. Послушно развернувшись, обе фигуры — старая и малая — двинулись вглубь разоренного ущелья. Спустя мгновение они, словно сквозь зыбкую водяную гладь, скользнули за невидимый барьер и растаяли в воздухе.

Силы окончательно оставили Янь Фуи. Пошатнувшись, он отступил назад, оперся ладонью об уродливый обугленный ствол, но пальцы соскользнули. Земля ушла из-под ног, мир стремительно перевернулся, и перед глазами поплыло серое небо.

«Нельзя. Только не так, — уговаривал он себя. — Нужно... нужно взять себя в руки. Шихэн не пожелал бы видеть меня жалким. К тому же теперь у меня есть ученица. Я обязан уберечь ее».

«Ничего страшного. Обычная слабость. Стоит немного потерпеть, и всё пройдет».

Под его ладонью темнела сухая земля, на которой виднелась едва приметная розовая крошка. Когда-то здесь пышно цвели пионы размером с чашу. Их нежные лепестки грелись в лучах солнца, отливая мягким золотом. Теперь от бывшего великолепия осталась лишь эта горсть блеклой пыли.

Фуи осторожно коснулся пальцами иссушенного пласта грязи, бережно погладив его, словно ласкал живой бутон.

«Всё в порядке, — подумал он. — Такова участь любого цветка. Рожденный землей, он обречен в нее возвратиться. Он просто вернулся домой».

Острые камни разбередили рану на его пальце. Алая кровь закапала на землю, смешиваясь с крошечным увядшим лепестком, так что уже нельзя было разобрать, где кровь, а где погубленная красота.

Вторую руку он крепко прижал к груди, судорожно сжимая подвеску.

«Этого терять нельзя. Какое счастье, что хотя бы она уцелела».

Ли Фуи молчал. Он понимал: кем бы он сейчас ни был, любые его слова прозвучат фальшиво и бесполезно. Ему оставалось лишь безмолвно созерцать, как Янь Фуи сиротливо жмет к уродливому пню. Всегда прямая, гордая спина словно лишилась опоры; лицо застыло безжизненной маской. От этого зрения у Фуи щемило в груди.

Фуи сидел так некоторое время, пока дурнота наконец не отступила. Опираясь на землю, он попытался подняться.

Движения его походили на неуклюжие рывки только что собранной, еще не смазанной марионетки. Непослушное тело отказывалось повиноваться, вынуждая замирать после каждого вздоха. Ли Фуи наблюдал, как юноша, изогнувшись в неестественной позе, подолгу отдыхал с закрытыми глазами. Копил силы. Шаг за шагом, с едва слышным хрустом суставов, он словно заново выстраивал вокруг себя невидимые, несокрушимые доспехи.

Отряхнув одежды, Фуи слабо улыбнулся и перевел дух, будто завершил самый тяжелый в своей

жизни подвиг.

— Смотри, — прошептал он в пустоту. — Я сильный. Я справился.

«Да, — тоскливо подумал Ли Фуюй. — Ты всегда справляешься лучше всех. Но тебе вовсе не обязательно быть сильным каждую секунду... Прости. Я думал, у нас впереди вечность, и просто забыл сказать тебе самое главное».

Янь Фуи медленно возобновил свой путь к центру долины.

Налетевший порыв ветра пригнал к его ногам комок спутанных белых нитей. Фуи замер лишь на мгновение, а затем торопливо пошел дальше — так, словно спасался бегством от призрака. Он устремился к скрытому проходу в тайную обитель.

Ли Фуюй сразу узнал этот предмет. То был старый темляк, которым Фуи когда-то невероятно дорожил. Дешевая безделушка из мира смертных, но хозяин оберегал ее пуще редчайших сокровищ, не выпускал из рук и бережно баюкал в ладонях. Теперь же брошенное украшение утопало в грязи, навсегда утратив былую белизну и шелковистый блеск.

Обычные нитки. Ничего больше.

Пространство вновь пошло прозрачной рябью. Юноша шагнул вперед и растворился в ней без остатка.

Тайная обитель на Утёсе Очищения Одежд возникла когда-то совершенно внезапно, без всякого предупреждения. Хотя самому Фуи казалось, что знаки всё же были. Во всяком случае, когда Ли Фуюй с нарочитым, избыточным восторгом позвал его посмотреть на находку, было предельно ясно: шихэн безбожно переигрывает.

Фуи тогда было около двенадцати. Он в очередной раз чем-то разгневал главу ордена и, едва очнувшись после тяжелого наказания, услышал от шихэна обещание подарить лучший в мире подарок на день рождения.

То была первая тайная обитель, которую мальчик увидел воочию. Законы Куньлуня отличались суровостью, особенно по отношению к нему: пока он не выдержит все испытания наставника, ему строго-настрого запрещалось покидать пределы пика. Однако благоразумие никогда не числилось среди добродетелей Ли Фуюя. Он то и дело подговаривал младшего на разные авантюры, нарушая запреты ордена один за другим.

Но даже при всей своей дерзости Фуи не мог вообразить, что подарком станет настоящий, осязаемый мир.

Крошечный уголок земли, размером не превосходящий один из чертогов Куньлуня, хранил в

себе мощную древнюю печать. Даже заклинатель стадии Золотого Ядра лишился бы здесь духовных сил, а уж два неопытных ребенка и вовсе превращались в обычных смертных. И всё же это место было чудом. Обладая зачатками разума, оно признало в мальчике хозяина и умело скрывалось от чужих глаз так искусно, что без его соизволения — как хвастливо утверждал Фууй — проход не отыскал бы даже мастер стадии Великого Преображения.

Замыслив сотворить Семивездную формацию Преисподней, Фуи всем сердцем желал укрыть ее здесь. Его терзали вечные предчувствия беды; он до смерти боялся, что случайное вмешательство погубит его труды. Ему никогда не везло. Наверное, всю отмеренную небом удачу он растратил на встречу с одним-единственным человеком, и теперь любая его тревога неизменно претворялась в жизнь.

Увы, затея провалилась. Под сенью этих скал невозможно было не то что выстроить сложный контур — даже простейший талисман терял силу. Пробиваясь со своей идеей несколько месяцев, Фуи отступился.

Вместо этого он, точно упорный лесной муравей, принялся потихоньку таскать из мира смертных доски и глину. Бревно за бревном, он своими руками возвел среди холмов маленькую избушку. Он мечтал сотворить настоящий дом, где будут сокрыты драгоценные крупы прошлого. А если однажды свершится чудо и душа шихэна вернется... он приведет его сюда.

Шихэн всегда баловал его, а значит — непременно согласился бы остаться.

Вот только едва над крышей легли последние доски, как Утёс Очищения Одежд обратился в руины. Новоселье так и не состоялось. Всё, что он лелеял в мечтах, планируя каждую деталь будущего уютного гнезда, сгорело дотла.

Ступив под своды обители, Янь Фуи горько усмехнулся собственной глупости. Зачем было городить эти стены? К чему пустые хлопоты? Первозданная красота этих мест не нуждалась в убогих постройках. Лоскута цветущей земли и так с лихвой хватило бы, чтобы укрыть те жалкие крохи, что он звал своими сокровищами.

Он уподобился безумному игроку, который в азарте спустил последнее состояние, а опомнившись, обнаружил себя по уши в долгах и с пустыми карманами.

К счастью, истерзанное долгой болью сердце почти онемело и больше не ныло. К несчастью, он сомневался, бьется ли оно вообще. Грудь казалась пустой, словно завевшийся внутри ядовитый червь Гу за долгие годы подчистую сожрал всё живое. От него осталась лишь пустая оболочка. Наверное, только знание о неоконченном долге заставляло его двигаться, говорить и казаться живым среди людей.

— Учитель! — Завидев его издали, Гуань Сяохуа радостно припустила навстречу.

Детское горе недолговечно. За время его отсутствия девочка успела исследовать избушку

вдоль и поперек, поплакать на груди у бабушки, вспоминая погибших родителей, и твердо пообещать себе усердно тренироваться, чтобы отыскать их души. Горечь уступила место надежде, и Сяохуа вновь повеселела.

Прижав к себе подбежавшую малышку, Янь Фуи едва устоял на ногах. Удивительно: сам стоя на краю бездны, он внезапно обрел новый якорь. Эта ответственность требовала жить вопреки всему, терпеть и собирать воедино осколки разрушенного мира.

Система, как всегда, без труда прочитала его мысли.

[И долго ты сможешь обучать ее здесь, учитывая твои планы?]

Янь Фуи не собирался ничего утаивать. Помолчав, он мягко обратился к девочке:

— Сяохуа, — он присел перед ней, поймав ее взгляд. — Прости, но я смогу пробыть с вами лишь один месяц.

Девочка замерла. Ее нижняя губа задрожала, а в больших глазах мгновенно вспыхнули слезы.

— Постой, не надо плакать! — испугался Фуи и поспешно добавил: — Я не бросаю тебя. За этот месяц я обучу тебя всему необходимому. А то, что ты не успеешь понять сейчас, я запишу на нефритовые свитки. Здесь безопасно. Поживите с Апо тихой жизнью, а когда ты окрепнешь и сможешь постоять за себя в этом жестоком мире, тогда и выйдете к людям. Договорились?

Сяохуа шумно шмыгнула носом и упрямо мотнула головой.

— Вы снова уходите, чтобы защитить всех нас?

Янь Фуи растерялся.

— Как тогда, в городе... — продолжила она. — Вы ведь опять останетесь совсем один? Израненный, несчастный...

— Я... — Пальцы Фуи, лежавшие на ее плечах, дрогнули. — Вовсе я не несчастный.

— Нет, несчастный, — упрямо возразила Сяохуа. — Те, кого вы спасали, и пальцем ради вас не пошевелили. Они хотели предать вас ради золота.

Фуи непроизвольно отвел взгляд. Когда же он вновь посмотрел на девочку, его глаза сощурились в теплой улыбке. Сяохуа не могла разглядеть затаенную в них грусть, но ей безумно нравилось это выражение лица — такое ласковое и мирное.

— Больше такого не повторится, — пообещал он. — Я научился беречь себя.

— Тогда поклянитесь! Мизинцами!

Он мягко улыбнулся и протянул руку. Их пальцы соединились в безмолвном, крепком обещании.

В золотых лучах заката две фигуры медленно побрели к избушке. Из невысокой трубы уже струился сизый дымок. Из окна высунулась Апо и с улыбкой крикнула им вслед:

— Ступайте скорее, ужин почти готов!

<http://bllate.org/book/20278/2167034>